

Транскультурный символ: к определению понятия

Анна С. Маркова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lirel@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка определения понятия транскультурного символа как феномена транскультуры. Несмотря на то что транскультура часто становится предметом междисциплинарных исследований, затрагивающих культурологию, лингвистику, социологию, литературоведение и другие науки, транскультурный символ пока еще мало изучен. Между тем транскультура понимается М.Н. Эпштейном именно как символическая среда, что делает необходимым изучение ее объектов. Транскультурный символ становится глобальным явлением, когда воспринимается иной, «чужой» культурой, однако свое становление он проходит в рамках культуры национальной. Будучи укорененным в эпохе синкретизма (А.Н. Веселовский), символ сохраняет свою связь с преданием, что позволяет ему иметь бесчисленное количество вариаций и смыслов. Обогащаясь ими в рамках национальной культуры, символ становится желанным и для культуры принимающей, так как он апеллирует к народному сознанию, культурной памяти – к глубинным, мифотектоническим уровням культуры. Особенности восприятия транскультурного символа позволяют исследовать укоренившиеся культурные воззрения той или иной культурной формации, выявлять значимые культурные доминанты. Такому анализу способствует то, что сам по себе символ обладает некой формой, а иногда и колористикой, которые сами по себе также обладают смысловыми и символическими значениями. Так, транскультурный символ голубого цветка имеет значимый колоратив в своем составе, а также связан с формулой параллелизма «девушка-цветок». На материале произведений русской литературы мы постараемся проиллюстрировать особенности восприятия транскультурного символа голубого цветка отечественной словесностью.

Ключевые слова: голубой цветок, Новалис, транскультурный символ, параллелизм, девушка-цветок, символ

Для цитирования: Маркова А.С. Транскультурный символ: к определению понятия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. Ч. 2. С. 166–176. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-166-176

Transcultural symbol. On the definition of the concept

Anna S. Markova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lirel@yandex.ru*

Abstract. The article attempts to define the concept of a transcultural symbol as a phenomenon of transculture. Despite the fact that transculture often becomes the subject of interdisciplinary research involving cultural studies, linguistics, sociology, literary studies and other sciences, the transcultural symbol has not yet been studied much. Meanwhile, transculture is understood by M.N. Epstein precisely as a symbolic environment, which makes it necessary to study its objects. A transcultural symbol becomes a global phenomenon when it is perceived by a different, “alien” culture, but its formation takes place within the framework of a national culture. Being rooted in the era of syncretism (A.N. Veselovsky), the symbol retains its connection with tradition, which allows it to have countless variations and meanings. Enriched by them within the framework of national culture, the symbol becomes desirable for the culture of the host, as it appeals to the national consciousness, cultural memory – to the deep, mythotectonic, levels of culture. The perception specifics of a transcultural symbol make it possible to study the entrenched cultural views of a particular cultural formation, to identify significant cultural dominants. Such an analysis is facilitated by the fact that the symbol itself has a certain form, and sometimes coloristics, which in themselves also have semantic and symbolic meanings. Thus, the transcultural symbol of the blue flower has a significant colorative in its composition, and is also associated with the formula of parallelism “flower-girl”. Based on the material of the works of Russian literature, we will try to illustrate the perception specifics of the transcultural symbol of the blue flower by Russian literature.

Keywords: blue flower, Novalis, transcultural symbol, parallelism, flower girl, symbol

For citation: Markova, A.S. (2020), “Transcultural symbol. On the definition of the concept”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 166–176, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-166-176

В настоящее время в научном дискурсе не существует исчерпывающего толкования транскультурного символа. Так как подобный символ должен иметь глобальный характер, нам необходимо соотносить данное явление с теорией символа как синкретического образа, который стал результатом генезиса одночленной формулы параллелизма. Без такого сопоставления невозможно представить, как элемент национальной культуры становится мировым, общекультурным явлением.

На том, что символ стал результатом эволюции формулы параллелизма, настаивал А.Н. Веселовский, и уже в наше время теория получила развитие в работах С.Н. Бройзмана. Так как, по мысли исследователей (а именно А.Н. Веселовского, С.С. Аверинцева, С.Н. Бройзмана и других), синкретическая, дописьменная, эпоха была общим этапом развития для всех народностей и для всех культур, символы, укорененные в предании, даже иной культурой воспринимаются как нечто сакральное. «Теплота сплывающей тайны» [Аверинцев 2006, с. 388] символа, доступного посвященным, создает некую общность и открывает возможности для его постижения. При этом, если мы говорим о транскультурном символе, национальная культура будет накладывать свои коннотации.

Необходимо также отметить, что транскультура, согласно теории М.Н. Эпштейна, является особым феноменом. Самим исследователем она мыслится как пространство «надкультурного творчества» [Эпштейн 2016, с. 143], т. е. такое явление, которое может быть соотносимо с диахронией по Ф. де Соссюру¹ – с таким уровнем восприятия, который априори предполагает временную дистанцию. М.Н. Эпштейн использует термин М.М. Бахтина – «внезаходимость», чтобы обозначить точку видения для данного культурного феномена. Автор теории также использует термин «остранение», принадлежащий В.Б. Шкловскому, чтобы охарактеризовать возможности культуры взглянуть на объект глазами «другого».

На материале транскультурного символа голубого цветка, зародившегося в германской словесности и ставшего символом немецкого романтизма благодаря роману Новалиса «Генрих фон Офтердинген» и затем воспринятого другими культурами, возможно проиллюстрировать вариации данного явления. Обратимся к отечественной литературе.

Транскультура – явление, этимологически связанное с транскulturацией Ф. Ортиса [Ortiz 1995] и часто сопоставляемое с

¹ *Соссюр де Ф.* Общий курс лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: Прогресс, 1977. С. 125–127.

транскультурностью В. Вельша [Welsch 1994], а также вписываемое в один ряд с «гибридной культурой», кросс-культурой, культурой пограничья – так, что некоторые исследователи наделяют их практически синонимическим значением [Новохатский 2019, с. 74–91]. Однако транскультура не может быть соотносима ни с одним из перечисленных явлений, так как представляет формацию иного порядка.

Транскультурация представлялась Ф. Ортису альтернативой аккультурации, которая была доминирующей культурной моделью в начале сороковых годов XX в. и фактически сводилась к наложению модели господствующей (европейской) культуры на все прочие. Ф. Ортис в эссе «Кубинский контрапункт табака и сахара» (1940) не только поднимает проблему давления европейской культуры на иные культурные образования, но и выдвигает гипотезу, что на самом деле культура как явление живет по своим законам. Автор на экономическом примере противостояния табачной (исконной аграрной культуры) и сахарной (культуры, внедренной европейцами, возделанной привезенными рабами) индустрий показал, что не может быть создана некая четкая, заранее определенная заданность, позволяющая создать культурную и экономическую среду. Культура будет всегда неким смешением. Так, Куба вобрала в себя и европейское видение, и африканские традиции и верования и создала новую, вовсе не подчиняющуюся европейским правилам, среду. В этой среде равные права имеют и исконная культура, и культура африканская, и европейская. Этот процесс сопровождается «уничтожением того состояния культуры, которое было до соприкосновения с иными культурными формациями» [Ortiz 1995, p. 102–103]. Ортис назвал транскультурацией, что и дало начало исследованиям в этой области.

Теория транскультурности возникла на почве вопросов функционирования культурных формаций. В. Вельш заимствует термин «транскультурация» из работы «Мультикультурное и транскультурное образование: два пути к космополитической культурной самобытности» Т. Шефталера [Schöfthaler 1984]. Исследователь понимает «транскультурность» (Transkulturalität) как альтернативу межкультурности и мультикультурализму, которые представляют национальные культуры как «обособленные островки» [Welsch 1999]. Между тем, по мнению Вельша, культура не является закрытой системой, условием ее существования является культурный обмен и культурное взаимодействие.

Последующие исследования не только расширяли границы понятий, но и привели к некоторой их омонимичности и размытости. Так, вопрос транскультурности все более становится вопросом

национальной идентичности. Исследовательница транскультурности С. Атеш отходит от первоначальной концепции В. Вельша, который видел в транскультурности качественную особенность культуры как формации. С. Атеш настаивает на персональном, личностном аспекте. Исследовательница констатирует: «...транскультурализм предполагает, что в обществе, где несколько культур живут вместе, неизбежно возникают гибридные, то есть смешанные культуры. Границы становятся плавными или полностью стираются. Каждый человек формирует свое собственное субъективное пересечение различных культур, с которыми он сталкивается, и культур, которые встречаются в нем. Это пересечение и составляет его транскультурную идентичность» [Ates 2013, S. 104–105]. На современном этапе частым явлением становится синонимичность, контаминация и замена понятий, что приводит к разночтениям.

Нередко предметом споров становится транскультура, которая не может избежать сравнения и/или включения в один ряд с теориями транскulturации и транскультурности. Так, среди отечественных исследований мы находим прямые сопоставления теории Ф. Ортиса и М.Н. Эпштейна: «...показательна пропасть между понятием транскulturации в трактовке автора этого термина Фернандо Ортиса (отмеченным геополитикой и телесной политикой знания) и безлично-гибридным толкованием транскультуры в понимании М. Эпштейна. Последний видит ее как область метафизических актов, конституирующих свободную транскультурную личность, серию ее побегов из “почвенной” культуры...» [Тлостанова 2012, с. 95].

В связи с вышесказанным возникает необходимость определения транскультуры и отделения его от смежных понятий. Придерживаясь концепции М.Н. Эпштейна, мы определяем транскультуру как особую формацию, которая обнаруживает дистанцию по отношению к иным культурным средам. Именно поэтому М.Н. Эпштейн писал, что транскультура «предполагает позицию остранения, “внезаходимости” по отношению к существующим культурам» [Эпштейн 2016, с. 143]. И так как «транскультура – это *новая символическая среда обитания человеческого рода*» [Эпштейн 2004, с. 634], исследование транскультурного символа позволит отграничить транскультуру от синонимичных явлений, выявить возможности формации как надкультурного, общечеловеческого – глобального – явления.

В научном дискурсе не существует исчерпывающего определения символа, полностью охватывающего данное явление. Мы будем понимать символ как результат генезиса одночленной формулы (А.Н. Веселовский, С.Н. Бройтман), в которой умал-

чивается человеческий план, а второй план, объектный, является показателем этой параллели². Символ не является риторическим тропом, в отличие от метафоры, которая не избежала разбиения на абстрактные понятия, где два тождества двучленной формулы обставляют за собой только внешнюю общность, но вводят «качественную оппозицию подлинного и кажущегося» [Фрейденберг 2008, с. 306].

Символ – синкретический тип образа, который сохраняет связь с синкретической эпохой, с преданием. Как отмечал А.Н. Веселовский, «элемент предания и отличает символ от искусственно подобранного аллегорического образа: последний может быть точен, но не растяжим для новой суггестивности»³. Данная связь позволяет всем сопричастным, приобщенным к таинству символа, иметь интересующую связь. Как отмечает С.С. Аверинцев, символ предполагает узнавание. В Древней Греции так назывались осколки одной пластины, по которым определяли «своих»: наследственные и дружеские отношения. С.С. Аверинцев отмечает, что в этом отличие символа от аллегии, которую может дешифровать кто-то «чужой», рационально вычленив смысл. Символ обладает принципиальной непознаваемостью и «теплотой сплывающей тайны» [Аверинцев 2006, с. 388]. Таким образом, интересующая связь, свойственная символу, фактически исключает монологичное вчувствование, свойственное субъективному интуитивизму, и поверхностный рационализм (и от того, и от другого предостерегал С.С. Аверинцев, подчеркивая необходимость диалога, без которого символ может быть разрушен).

Ю.М. Лотман относил символы к особой группе, которую назвал «стержневой группой» [Лотман 2016, с. 169], в которую входят элементы, имеющие глобальный характер.

Таким образом, транскультурный символ для того, чтобы обрести глобальный характер, должен быть укоренен в предании, а также обладать «теплотой сплывающей тайны» (то есть неким кругом лиц, желающих его постичь). Однако транскультурным такой символ становится лишь тогда, когда преодолевает границы своей родной культуры и находит отклик в иных культурных формациях, что может быть проиллюстрировано на материале транскультурного символа голубого цветка в отечественной литературе.

² Бройтман С.Н. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 2: Историческая поэтика. М.: Академия, 2004. С. 45.

³ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: ЛКИ, 2017. С. 179.

Символ голубого цветка стал всемирно известным благодаря роману Новалиса «Генрих фон Офтердинген». Образ голубого цветка был глубоко укоренен в германской культуре еще до написания произведения. Подтверждение этому мы находим в «Германской мифологии» Я. Гримма, где волшебный цветок имеет голубой цвет, так как «это цвет богов и духов»⁴. Волшебный цветок германских сказаний, согласно исследованиям А.Н. Афанасьева, родственен «Перунову цветку»⁵ славянских поверий, т. е. цветку алому, жар-цвету. Однако более значимым для отечественных рецептов символа стал колоратив. В русском языке существует оппозиция голубого и синего цвета, которая имеет древние корни. Синий цвет имел отрицательные коннотации, связанные с пограничьем, чуждостью, враждебностью и смертью. «Сине море» в русских былинах имеет символические коннотации. Голубой, как оттенок синего, также выражал скорее отрицательные смысловые значения до того, как в культуру входит византийский канон, и голубой цвет становится цветом Девы Марии, так как «голубой цвет <...> символизирует Ее небесную чистоту и непорочность» [Чистюхин 2013, с. 125].

Символическое значение цвета становится настолько важным для отечественного восприятия голубого цветка, что ведет к деконструкции словосочетания и усилению значения колоратива. Этот процесс знаменуется высокой вариативностью флорообразов голубого цветка в русской литературе: незабудки (М.Ю. Лермонтов), лилии (И.Ф. Анненский, Н.С. Гумилев), розы (К.Д. Бальмонт), фиалки (А.А. Блок, А.И. Куприн), ирисов (Н. Тэффи). А затем и наполнением колоратива значимостью всего символа, делая его архитектурным элементом, соотносимым с целым произведением. Уже в начале XX в. словосочетания «дама в голубом» (М.И. Цветаева)⁶, «голубая спальня» (А.А. Блок)⁷, «голубой

⁴ Grimm J. Deutsche Mythologie: [2 Bde.]. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1854. S. 924.

⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Солдатенкова, 1868. С. 376.

⁶ Цветаева М.И. Дама в голубом // Цветаева М. Вечерний альбом: Стихи / [Послел. А.А. Саакянц]. М.: Книга, 1988. С. 42–43.

⁷ Блок А.А. В голубой далекой спальне // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, Ин-т русской лит. (Пушкинский дом). М.: Наука, 1997–2014. Т. 2. Кн. 2: Стихотворения (1904–1908) / Отв. ред. А.В. Лавров, З.Г. Минц. М.: Наука, 1997. С. 66.

воришка» (И.А. Ильф и Е.П. Петров)⁸ входят в русскую литературу. М. Горький пишет рассказ «Голубая жизнь»⁹, а М.М. Зощенко составляет сборник сатирических рассказов «Голубая книга»¹⁰. До 1960-х гг. в СССР интерес к творчеству Новалиса был невысоким, однако уже с 1970-х ситуация меняется и «немецкая романтика возвращается из “небытия”» [Давыдова 2001, с. 158]. Голубой как значимый эпитет актуализируется в художественном творчестве. У Ю. Мориц в книге «В логове голоса» (1990) есть поэтический цикл «Голубая рассада», в него вошли: «Голубая рассада» (1974)¹¹, «Но моя-то память простиралась...» (1971)¹², «На Трафальгарской площади ночной» (1979)¹³, «Снегопад» (1963)¹⁴ и другие стихотворения, в которых колоратив играет роль маркера иной реальности, некой границы, свидетельства духовного, тонкого мира.

Данные примеры служат иллюстрацией транскультурного символа голубого цветка в отечественной литературе. Мы можем видеть, что, переходя в иную культурную среду, транскультурный символ претерпевает изменения (в отечественной литературе происходит деконструкция словосочетания «голубой цветок», колоратив перенимает полноту символа), однако сохраняет коннотации, связанные с иной реальностью, потусторонним, нездешним миром.

Таким образом, транскультурный символ реализует себя в различных национальных культурах, но сохраняет свою связь с культурой, в которой претерпевал свое становление. Благодаря укорененности в эпохе синкретизма транскультурный символ становится значимым элементом в принимающей культуре и способен на воплощение в бесконечном ряде вариаций и смыслов.

⁸ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Флюид ФриФлай, 2015. С. 64.

⁹ *Горький М.* Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. С. 238–295.

¹⁰ *Зощенко М.М.* Голубая книга. М.: АСТ, 2018.

¹¹ *Мориц Ю.П.* В логове голоса: книга стихотворений. М.: Московский рабочий, 1990. С. 148.

¹² Там же. С. 147.

¹³ Там же. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 137–138.

Литература

- Аверинцев 2006 – *Аверинцев С.С.* Символ художественный // Аверинцев С.С. Собрание сочинений: София-Логос: Словарь / Под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. К.: Дух и Литера, 2006. С. 386–394.
- Давыдова 2001 – *Давыдова Е.В.* Голубой цветок и русский символизм: Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 192 с.
- Лотман 2016 – *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. С. 167–184. (Культурный код)
- Новохатский 2019 – *Новохатский Д.В.* Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // *Mundo Eslovo*. 2019. № 18. С. 74–91.
- Тлостанова 2012 – *Тлостанова М.В.* Транскультурные исследования: демаркация новой дисциплинарной области и будущее гуманитарного знания // *Вестник РУДН, серия Философия*. 2012. № 1. С. 91–102.
- Фрейденберг 2008 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности / Сост., послесл., коммент. Н. Брагинской; библиогр. М.Ю. Сорокина, Н.Ю. Костенко. 3-е изд., испр., доп. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 896 с.
- Чистюхин 2013 – *Чистюхин И.Н.* Генезис и формирование цветового канона в православном богослужении и религиозном искусстве // *Театр. Живопись. Кино. Музыка*. 2013. № 2. С. 112–129.
- Эпштейн 2004 – *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
- Эпштейн 2016 – *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству: Как гуманитарные науки могут изменять мир. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
- Ates 2013 – *Ates S.* Wahlheimat. Warum ich Deutschland lieben möchte. Berlin: Ullstein Verlag, 2013. 173 S.
- Ortiz 1995 – *Ortiz F.* Cuban counterpoint. Tobacco and sugar. Durham, NC: Duke University Press, 1995. 312 p.
- Schöfthaler 1984 – *Schöfthaler T.* Multikulturelle und transkulturelle Erziehung: Zwei Wege zu kosmopolitischen kulturelle // *Identitäten. International review of education*. 1984. No. 30. S. 11–24.
- Welsch 1994 – *Welsch W.* Transkulturalität – die veränderte erfassung heutiger Kulturen // *Via Regia – Blätter für internationale kulturelle Kommunikation*. 1994. Heft. 20. URL: https://www.via-regia.org/bibliothek/pdf/heft20/welsch_transkulti.pdf (дата обращения 06.09.2020).
- Welsch 1999 – *Welsch W.* Transculturality – the puzzling form of cultures today // *Spaces of culture. City, nation, world / Ed. by M. Featherstone, S. Lash. L., 1999. P. 194–213.*

References

- Ates, S. (2013), *Wahlheimat. Warum ich Deutschland lieben möchte*, Ullstein Verlag, Berlin, Germany.
- Averintsev, S.S. (2006), "The artistic symbol", in Averintsev, S.S., *Sofiya-Logos. Slovar'* [Sofia-Logos. Dictionary], Dukh i Litera, Kiev, Ukraine.
- Chistyukhin, I.N. (2013), "Genesis and formation of the color canon in Orthodox worship and religious art", *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*, no. 2, pp. 112–129.
- Davydova, E.V. (2001), *Goluboi tsvetok i russkii simvolizm: Tvorchestvo Novalisa v kontekste russkoi literatury XX v.* [Blue flower and Russian symbolism. Novalis' work in the context of Russian literature of the 20th century], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Epstein, M.N. (2004), *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [The space sign. About the future of the humanities], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Epstein, M.N. (2016), *Ot znaniya – k tvorchestvu: Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creative work. How the humanities can change the world], Centr gumanitarnykh initsiativ, Saint Petersburg, Russia.
- Freidenberg, O.M. (2008), *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity], U-Faktoriya, Ekaterinburg, Russia.
- Lotman, Yu.M. (2016), "A symbol in the cultural system", in Lotman, Yu.M., *Vnutri myslyashchih mirov* [Inside the thinking worlds], Azbuka, Saint Petersburg, Russia.
- Novokhatskii, D.V. (2019), "Transcultural text and trends of the Russian literary mainstream. 'Tashkent Novel' by Sukhbat Aflatuni", *Mundo Eslavo*, no. 18, pp. 74–91.
- Ortiz, F. (1995), *Cuban counterpoint. Tobacco and sugar*, Duke University Press, Durham, NC, USA.
- Schöfthaler, T. (1984), "Multikulturelle und transkulturelle Erziehung: Zwei Wege zu kosmopolitischen kulturelle", *Identitäten. International review of education*, no. 30, S. 11–24.
- Tlostanova, M.V. (2012), "Transcultural studies. Demarcation of a new disciplinary field and the future of humanitarian knowledge", *RUDN Journal of Philosophy*, no. 1, pp. 91–102.
- Welsch, W. (1994), "Transkulturalität – die veränderte erfassung heutiger Kulturen", *Via Regia – Blätter für internationale kulturelle Kommunikation*, Heft. 20, available at: https://www.via-regia.org/bibliothek/pdf/heft20/welsch_transkulti.pdf (Accessed 6 Sept. 2020).
- Welsch, W. (1999), "Transculturality – the puzzling form of cultures today", in Featherstone, M. and Lash, S., eds., *Spaces of culture. City, nation, world*, London, UK, pp. 194–213.

Информация об авторе

Анна С. Маркова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; lirel@yandex.ru

Information about the author

Anna S. Markova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; li-rel@yandex.ru